

*Искусству быть свободным
надо учить с яслей*

Тамила Владимировна Булгакова,
старший преподаватель
Московской государственной
академии хореографии (МГАХ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Булгакова Тамила Владимировна

Московская государственная академия хореографии (119146, Москва, ул. Фрунзенская 2-я, д. 5)

✉ tamila171@mail.ru

Белимов Виктор Николаевич

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ belimov-vn@ranger.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Булгакова Т.В., Белимов В.Н. Искусству быть свободным надо учить с яслей. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 1. С. 40–57.

Этот разговор со старшим преподавателем Московской государственной академии хореографии Тамилой Булгаковой состоялся во время одного из образовательных интенсивов Фонда поддержки талантливых детей и молодежи Свердловской области «Золотое сечение». Столь именитый педагог-практик (Тамила Владимировна более десяти лет была солисткой балета Московского государственного академического театра «Классический балет»), да еще и с авторской методикой преподавания актерского мастерства –

настоящая находка для образовательного учреждения регионального уровня. Впрочем, как признались в «Золотом Сечении», уговаривать Тамилу Владимировну Булгакову не приходится: она с удовольствием готова потратить свой законный отпуск на работу с провинциальными уральскими детьми в загородном образовательном центре под Екатеринбургом. Почему?

Как выяснилось, в столичной театральной среде есть давняя «секта» апологетов предмета «Актерское мастерство». Это те, кто считает, что актерству надо учить с самого раннего возраста: пусть не каждому, но многим это поможет избежать тех жутких страданий, которые порой испытывают уже вполне зрелые актеры. Публичная профессия – непростой вызов для личности и готовить к нему нужно с раннего возраста. Так думает Тамила Булгакова и ряд ее коллег. Позиция их вроде бы логична, аргументы существенны. Но... Как в советское время, так и сегодня предмет «Актерское мастерство» имеется в расписании только профессиональных училищ, да и там появляется далеко не сразу – лишь в середине обучения. О том, что дает раннее знание актерских техник ребенку, о сложностях работы с одаренными детьми и о том, как помочь ребенку из глубокой

провинции почувствовать себя «человеком мира», но при этом сохранить в нем любовь и привязанность к «малой родине», – наша беседа с Тамилой Владимировной Булгаковой.

*Меня отчислили,
мама*

Виктор Белимов: Тамила Владимировна, сегодня, в отличие от советского времени, гораздо сложнее отчислить ребенка из профессионального учебного заведения по профнепригодности. Считается, что спецшкола, раз уж она провела отбор, должна воспитать и выпустить каждого. Насколько, на ваш взгляд, оправдан такой подход?

Тамила Булгакова: Как выпускница Московской государственной академии хореографии скажу, что любовь к искусству балета, которая прививается в ее стенах, не может уйти сама собой, эту профессию невозможно бросить. То есть, однажды переступив порог академии, ты попадаешь в поле труда и любви, а также в поле конкуренции – с самим собой, с другими. И это настолько захватывает, что жизни без этого ты уже не представляешь. Тем не менее, у нас регулярно отчисляли детей по профнепригодности. И я считаю, что это правильно.

Ведь отбор идет колоссальный, очень сложный, особенно для девочек: профессиональные данные, здоровье очень важно, буквально как в армию отбирают кандидатов. Поэтому родители не должны стараться любыми путями и лазейками засунуть ребенка в профессиональную школу. Если противопоказания какие-то есть, если данных немного, то, когда пойдет большая нагрузка, соответственно начнутся травмы. Не надо обманывать себя ожиданиями: лишь бы ребенок поступил, и дело сделано. Потому что однажды наступит период, когда ребенок не сможет справиться. И это будет драма, потому что в профессиональных школах с первых дней настраивают на полноценное служение искусству хореографии. Иначе нельзя. Сначала небольшой спектр специальных предметов, потом он расширяется, репетиции, участие в спектаклях, взаимодействие со старшими. Это такая полноценная жизнь, поэтому если тебя по какой-то причине ее лишают, создается ощущение, что никакой другой жизни попросту нет. Для детей это колоссальная травма.

Насколько важно, к какому педагогу ты попал?

Нашему искусству по книжкам не научишься, можно что-то почитать, расширить круго-

зор, но главное ты узнаешь из уст в уста, из разговоров и встреч в зале, в коридорах. Ты постоянно получаешь наставнические советы и общение с такими людьми формирует мастерство. И ты уже не можешь относиться к делу спустя рукава. Методика одна, но каждый педагог расставляет свои какие-то акценты в учебном материале.

В чем особенность вашего подхода к преподаванию актерского мастерства?

Этот предмет важен на любом уровне занятия хореографией. Дети с трех лет выходят на сцену. Это значит, что они – артисты, и зритель ровно так их и воспринимает. Соответственно и спрос с них как с артистов. Но маленьким детям никто не объясняет, к сожалению, как правильно вести себя на сцене, как сделать так, чтоб ты не волновался, а зритель понял твой посыл. Поэтому предмет «Актерское мастерство» необходим даже самому маленькому артисту.

К сожалению, профессиональное образование этого предмета ведется у нас в стране с достаточно взрослого возраста – 15–16 лет. Только после пяти лет обучения в профессиональном учебном заведении в расписании появляется предмет «Актерское мастерство». Это очень поздно. Поэтому я поставила перед

собой такую задачу: везде, где только возможно, я буду транслировать возможность познания этого предмета, пропагандировать его ценность. Потому что это не только помогает сделать танец выразительным, чтоб выиграл зритель, это в первую очередь помогает артистам – самим детям, которые ради этого приходят в какие-то коллективы, в кружки. Они хотят быть на сцене, чтоб их все видели, а они бы радовались. Но когда идет процесс репетиции, к сожалению, многие дети загружены теми задачами, которые они должны выполнить. И уходит ощущение счастья, радости от того, что на тебя смотрит зритель. Появляются зажимы, страх и вообще все, что мешает им показать все свои возможности и быть лучше, чем они есть. И я рада работать не только с профессиональными коллективами, но и с любительскими, авторской школой.

Выходит, вы методологию преподавания актерского мастерства переработали под более ранний возраст?

Это моя методика... Но точнее так: у меня было много замечательных педагогов. Я пришла к Ирине Владимировне Македонской как артистка, как балетмейстер, просто поучиться, пообщаться на тему актерского мастерства. И она меня настолько влюбила в этот предмет, что я, закончив институт как балетмейстер, переключилась абсолютно, и уже достаточно долго не могу выйти из этого предмета. Я проанализировала опыт других, и в итоге появилась моя методика, наиболее удобная для работы с непрофессиональными коллективами, с детьми.

Почему я этим «заморочилась»? Потому что Ирина Владимировна Македонская (а это педагог, которая и в 90 лет при-

С образцовым хореографическим коллективом «Феникс» из Екатеринбурга Тамилу Владимировну связывает давняя дружба.

ходила к нам в школу) мечтала, чтоб актерское мастерство начали преподавать в хореографических училищах с первого класса, а не с шестого, как было всегда и как остается сегодня. Поэтому мне нужно хотя бы окольными путями продвигать эту идею, например, через сотрудничество с такими фундами, как «Золотое Сечение». Если я не могу поменять систему образования, значит, буду внедрять это в малых группах с детского возраста, пропагандировать среди педагогов, максимально расширять кругозор по этой теме, ее понимание, чтоб у нас появилось как можно больше единомышленников.

Как вы работаете с детьми?

Конечно, лучше это увидеть во время урока... Хорошо, попробую рассказать. У нас в классическом балете занятие состоит из ряда комбинаций. Если вы прочитаете, как комбинация прописана в книге (замечу – на французском языке), вам покажется, что это сумасшедший дом и вы ничего не понимаете. Но если вы увидите, как эту комбинацию кто-то сделал в зале, вам сразу все станет понятно, и вы сможете повторить. Поэтому я и говорю, что у нас важно учиться не по книжкам, а «по личностям», «по педагогам». Сохранять методику преподавания. Основы построения урока. Ты приходишь к педагогу, и сразу видишь, чего он хочет. Раньше, как юный специалист, я прописывала себе несколько вариантов урока, продумывала возможные ситуации, сейчас же захожу в зал и сразу ощущаю аудиторию.

Вообще, актерское мастерство имеет два параметра. Первый – исполнитель хочет рассказать какую-то творческую историю. И надо помочь ему сделать это грамотно, выразительно. Иное дело – когда мы работаем с исполнителем как с артистом, и учим его находиться в рамках открытого сценического про-

Балет «Дон Кихот». Второй акт. Сцена в таверне. Тамила Булгакова в роли Мерседес (1997).

странства свободно, органично, не зажиматься. То есть, задачи – две. И разные упражнения помогают их решать. Я параллельно веду обе эти линии. А процент того, над чем конкретно мне работать, каждый раз определяю индивидуально.

А как же классическая система актерского тренинга по Станиславскому?

Ее никто не отменял. Хотя сам Константин Сергеевич говорил, что нет никакой системы: если вы знаете, как выглядеть на сцене, – идите и творите. Да, есть определенные тренинговые вещи, которые необходимо в определенном порядке делать. И неважно, какого возраста ребята в группе. Я смотрю сразу, насколько учащиеся умеют владеть своим вниманием. Если они не могут работать сосредоточенно, то первое, что я буду делать – тренировать внимание. Затем мы тренируем фантазию и логическое мышление. В зависимости от состояния группы я понимаю, над чем нужно глубже поработать, из какой области материал дополнительно закрепить. К моменту, когда мы проговорили эти основные психологические столпы, уже возникает некий контакт, и я понимаю, куда пойти дальше. Например, есть этюдная форма – ро-

зыгрыш небольшой истории между собой, есть импровизационная. У нас все то же самое, что происходит в вузах драматические актеры, только с поправкой на хореографию – мы говорим на языке тела, пластики. Поэтому перевод в хореографическую пластику – это следующий спектр особых задач, особый тренинг.

Желтая психология

Драматическое искусство и хореография очень близки, не так ли? И то, и другое – для человека, во имя человека и от человека?

Совершенно верно. В обоих случаях актеры прописываются как действующие лица. Но воплощение – разное. В этом и дело. Там – пьеса и голосовые связки, у нас – музыка и тело, как основной инструмент коммуникации со зрителем. Конечно, в хореографии есть свои законы, традиции, своя история. Ей мы посвящаем примерно полгода обучения. И каждый педагог выбирает свои маршруты – как привести ребенка к правильному восприятию материала и пониманию своего тела как психофизического аппарата. Это сложная внутренняя работа педагога – выстроить «лунную дорожку» обучения и провести по ней свой курс.

Я подсмотрел на вашем занятии: вы включили музыку и девочки должны были ее рисовать...

Рисовать музыку – это достаточно громко сказано... Но я стараюсь объяснить им, что для артиста хореографического театра важно понимать, что музыку ты *танцуешь*. Это визуальное воплощение музыки. И сделать что-то не так, как прописано композитором, значит, сразу сфальшивить. Как если бы оркестр играл по фальшивым нотам. Потому что твое тело – тот же инструмент, который реализует прописанное в партитуре. Важно слышать. Натренировать свои уши. В музыке есть и мелодия, и аккомпанемент, и ритмическое начало какое-то, и композиция. Мы учимся все это воспринимать как партитуру для собственного существования на сцене. Когда-то – прорисовать жестикуляцией. В другой раз я попрошу изобразить картину на эту тему, а иногда надо просто лечь и, не шевелясь, послушать. Еще можно дыханием реализовать задачу восприятия музыки. Существует много всяких упражнений, которые я использую, чтобы музыка проникла в ребенка. Я ребятам так говорю: вспомните, вы приходите на дискотеку, там ритмичная музыка, разные аранжировки, обработки ее, и атмосфера вас прямо-таки заводит. Вот и здесь нужно добиться

того же ощущения, чтобы вас настоящему заводило от музыки, которая вам задана в работе.

Но ведь не существует стандарта восприятия музыкального произведения, у классики могут быть тысячи разных трактовок...

Конечно. Каждый иходит в произведении что-то свое, рисует собственные картинки. Каждый по-своему слышит. Я же стараюсь выслушать все варианты, дать учащимся возможность фантазировать. И если мы не скованы определенным спектаклем, эпохой, тематикой, литературным произведением, то их фантазия бродит где угодно. А я просто стараюсь их направить и слежу, чтоб не было отхода от канонов, но не музыкальных, а от канонов пластического рисунка, который нам здесь нужно воплотить. Мы можем представить все что угодно, но если мы должны реализовать замысел движениями классической хореографии, то тематика должна соответствовать определенным правилам и традициям.

Право на сцену

По-моему, мы подошли к самому интересному. Как фантазии ребенка трансформировать в норму и встроить в традицию?

Я лично начинаю задавать наводящие вопросы. И ребенок,

отвечая, вдруг чувствует несоответствие: я задала вопрос, а в его истории он решается не так, как возможно в этой музыке. И он начинает искать иной выход, который может привести либо к другой фантазии, либо он корректирует более точно свою мысль. То есть, это всегда диалог. Это как «застольный период» репетиций в драматическом театре: прежде, чем выйти на сцену, ты должен понимать, что ты играешь. И мы тоже обговариваем музыку, пытаемся читать ее, как литературное произведение, воспринять как визуальную картинку, которая возникает в нашей фантазии на «экранчике внутреннего видения». И тогда, когда мы целиком и полностью погружены в эти обстоятельства, наше тело слушается и само начинает делать то, что ему позволительно в этой эстетике по своей органике.

И тогда все это легко пережить?

Конечно.

В этом сверхзадача?

Да. Сделать счастливым артиста, находящегося на сцене. Я знаю, как тяжело артистам. Это очень чуткие люди, они тонко воспринимают жизнь. И подчас неспособны себя защитить. Поразному может выглядеть фантазия режиссера, балетмейстера... Но, понимаете, мы не можем выходить на сцену, когда мы в себе не уверены. Может быть, это не объективно, но каждый артист, выходя на сцену, считает, что он имеет на это право. И когда он какую-то роль не получает или когда у него отбирают какие-то роли, это всегда очень тяжело сказывается на внутреннем мире. Человек может просто перегореть... Я же твержу одно: мы обязаны получать удовольствие от любого появления на сцене и это происходит, если мы правильно начинаем относиться к выходу из-за кулис. Если мы имеем правильный ориен-

На экзамене студентов СПО по дисциплине «Актерское мастерство» Московской государственной академии хореографии (2017).

Когда ребенок ощущает счастье видеть себя на сцене органичным и свободным, он никогда от этого ощущения не откажется

тир, используем механизмы, которые позволяют быть органичным и свободным. И вот когда человек, в том числе ребенок, ощущает счастье видеть себя на сцене органичным и свободным, он никогда от этого волшебного ощущения не откажется. И это, на мой взгляд, правильный путь к карьерному росту, перспективному развитию.

В вашей балетной карьере были такие случаи, когда вы тяжело переживали не предоставленную вам роль?

Я конкретно говорить, пожалуй, не буду. Потому что это есть у всех артистов. Но я именно на личном опыте приобрела знания, как возможно преодолеть боль и переживания, которые с этим связаны.

Принято считать, что такого рода обиды, досадные недоразумения – это родовая травма балета. А, оказывается, этого вполне можно избежать...

Я всегда говорю, что любой артист – это максимум чувствительности и максимум самообладания. Если обе эти составляющие равноценны, то ты вышлывешь и тебя не сбросит. И я всегда говорю ученикам: спектакли могут быть разными, говорить о тебе могут всё что угодно, критика, в конце концов, тоже полезна. Но если так случилось – у тебя сегодня несчастливый спектакль, значит, завтра ты не валяешься дома в депрессии, а идешь в зал и репетируешь там свою любимую партию, вытаскиваешь себя, как Мюнхгаузен, за волосы из болота и продолжаешь получать удовольствие от этого искусства, от того, что у

тебя получается. И в этот момент ты уже сам начинаешь психологически давать себе новый шанс на будущий успех.

А если ты, напротив, попал в плен головокружения от успеха?

От этого тоже никто не застрахован. Хорошо, если рядом есть мудрый наставник, который всегда найдет, за что зацепиться и поругать. В этот же самый счастливый день, когда ты получил охапку цветов и кучу автографов раздал своим поклонникам, дай Бог, чтоб нашелся человек, который тебе скажет: «Иди-ка сюда. Завтра встретимся в зале. И поговорим». В момент триумфа артист должен отчетливо понимать, что у совершенства не бывает предела. И вот это бесконечное желание улучшить, наверное, и есть механизм, который помогает творческому человеку вытаскивать себя из любых ситуаций. Не надо считать себя человеком, достойным криков «Браво!», цветов у ног. Ты просто транслируешь посредством себя тот материал, который тебе сейчас доверили. Как слесарь, который вытаскивает деталь на заводе, или пекарь, который печет булки на хлебокомбинате. У тебя получилось это передать сегодня – отлично. Но завтра новый день. И если ты завтра не сделал шаг вперед, то послезавтра ты сделал два шага назад. А в балете невозможно не стремиться вперед. Потому что выход из формы – мгновенный. Я всю жизнь, начиная с раннего детского возраста, отдыхала летом только две недели, в июне. А июль-август – опять каждодневная работа.

В чем заключается отдых балерины?

В том, чтоб ничего не делать. Мне лично достаточно смены нагрузки. А ребятам я говорю, что они должны в период отдыха посмотреть жизнь, какая она, потому что эту жизнь они потом и будут трактовать обывателю со сцены.

Между прошлым и будущим

Как увлечь молодого человека, который живет в окружении информационных соблазнов, когда за его вниманием охотится целая медиаиндустрия, прелестью «старинной», к которой относятся и классический балет?

Я говорю не про старину. Не про нафталин и бабушкин сундук. Я говорю про то, что мы учимся трактовать этот материал в условиях, когда традиции и каноны не меняются. Но мы ищем способы передачи этого материала так, чтобы мы говорили с нашими учащимися на одном языке. Это не значит, что мы используем сленг или как-то еще уподобляемся им. Вовсе нет. Но разговор о патриотизме, например, складывается. Мы говорим о подвигах периода Великой Отечественной войны и при этом касаемся патриотизма русской школы классического танца, например. И через то, как он патриотично выступает за свою страну на конкурсе, как он является представителем своего педагога на экзамене, через то, как он старается быть частью творческого коллектива, в котором он учится, мы переводим ребенка в то прошлое нашей страны, которое бесспорно является героическим. Вот через такие параллели работаем. А в актерском мастерстве, кстати, всё через аналогии получается. Я же не могу живописать ребенку, что было в XIV веке. Мы оба там не жили. Но в XIV веке жили люди, которые переживали похожие проблемы, что и мы сегодня. Мы ищем

что-то, что связывает историю с нашим настоящим. И переводим эту реальность в ту эпоху. И учимся это делать посредством определенных канонов той эпохи, традиций, эстетики.

Как вы относитесь к новаторским решениям вроде постановки «Конька-горбунка» в «Урал-опере»?

Я слышала об этом спектакле. И надеюсь, когда-нибудь посмотрю. Вообще, трактовка классики – это вопрос воспитания и эстетики. Я лично не отрицаю ни-

чего современного. И для себя самой вижу направления развития в хореографии применительно к современности, меня это очень притягивает. Полагаю, что изменение формы – это совершенно естественный процесс. Жизнь и поколения меняются. Появляются новые видения. Единственное, что для меня железно, это понимание того, что есть какое-то произведение искусства – в танце, в литературе, в живописи – и оно уже нами, людьми, как-то осмыслено, воспринято. Оно является для нас

неким каноном. Поэтому я согласна, когда новые трактовки исключительно гармонично нарушают мое видение: если они его расширяют, позволяют думать, если я начинаю понимать нечто новое и думать: «Боже, это же гениально!». Но эта гармония новизны может состояться только в руках профессионала. Когда автор знает, как взятая им классика трактовалась в разных видах искусства, когда проштудировал историю этого произведения и хорошо знаком с позицией автора. Без этих знаний можно просто унижить автора произведения своей поверхностной интерпретацией.

А дети могут подарить какую-нибудь классную идею, дать интересную трактовку?

Конечно! У меня только так и происходит. Дети – мощные генераторы идей. А взрослые теряют возможность фонтанировать этими идеями только потому, что их мозг засоряется и перестает работать свободно. И моя задача как педагога – правильно подготовить почву, чтоб у воспитанников эта «Эврика!» пошла. И быть подспорьем, чтобы помочь вывести открытие на нужный уровень. По сути дела, только этим я и занимаюсь как педагог. Умение воспитать желание фонтанировать и не бояться представлять свою фантазию – это тоже в рамках моего предмета и моих задач. Причем у детей не бывает интересных и не интересных версий. Они все могут быть доработаны до хорошего продукта. Все. Просто нужно заглянуть в суть. Ребенок может даже скупко рассказать о какой-то картинке, образе, но ты, как опытный человек, задай себе вопрос: а чего он об этом подумал, что он увидел, как и когда у него возник такой поворот мысли, – и помоги ему доработать идею. Тогда он сам воскликнет: «Неужели? Это у меня так?! – Конечно, у тебя! Просто ты не видел этого. А я тебе помогла».

Тамила Блгакова в образе лисички в Белом зале Одесского Дома ученых. Именно в этом историческом здании базировалась хореографическая студия, в которой Т. В. Булгакова занималась с четырех лет. На выступления в Белом зале учеников пускали по случаю особых выступлений – когда приезжала какая-нибудь делегация. А в «Дом ученых» они приезжали очень часто.

Ученик может ошибаться, предавать тебя, отвергать твои принципы, но ты его любишь, несмотря ни на что

То есть нельзя присваивать эти идеи себе и давить авторитетом?

Безусловно. Я в зале – второй человек. Я исключительно для того, чтобы помочь себя реализовать тем, кто мне доверился. Только так.

Призвание в любви

Вы сильно устаете после занятий?

Вообще не устаю. Потому что счастлива в работе. Если бы я уставала, то не стремилась бы в период отпуска работать с Фондом «Золотое Сечение», не искала бы возможности для дополнительных встреч с детьми.

Но вы ведь после занятий анализируете сделанное, рефлекслируете?

Конечно. Но это обыкновенный рабочий процесс. Другое дело, что я не замечаю, как я теряю энергию, которую мне потом надо как-то восполнить. И это не значит, что я в конце дня выжата, как лимон. Наоборот: по моим наблюдениям, педагоги, которые не находятся в полноценном эмоциональном контакте с учениками, которые не обмениваются творческой энергией, как раз-таки устают очень сильно. И вечером говорят: «Господи, неужели мне завтра опять туда же, куда я больше не хочу!».

Вы педагогов тоже учите?

Да. И стараюсь обучить педагога общению с учеником-исполнителем так, чтобы они оба получали удовольствие и делали в соавторстве, в содружестве какой-то процесс. Это счастье и для того, и для другого.

Педагогика – это талант или ремесло?

Это призвание. А еще опыт и желание им поделиться. Любовь и уважение к тому человеку, с которым ты занимаешься. Причем, изначально – любовь. Или, другим языком, прощение. Ты понимаешь, что человек может ошибаться, предавать тебя, отвергать твои принципы, но ты его любишь, несмотря ни на что, просто по определению, потому что ты с ним единомышленник. И, полагаю, есть еще что-то свыше. То, что я говорю на занятиях, я не знаю до конца: я это получаю (указывает на верх – прим. ред.) и трактую. Понимаете, я не владею палитрой своих знаний настолько, чтоб удовлетворить каждого, его потребности в этих знаниях. Поэтому моя задача – зайти в зал, в кабинет, сосредоточиться, прочувствовать, кто есть кто, и сконцентрироваться настолько, чтобы расслабиться и начать транслировать информацию «оттуда». Уточню: это мой путь, мои ощущения от работы и мне так легко.

Вы приезжаете из Москвы на Урал, чтоб работать с юными артистами из провинции. Некоторые из них родились и живут там, где нет и никогда не было театра. Как вы для себя объясняете явление, когда из глухомани, из нулевой культурной среды вдруг выходит великий мастер – актер, музыкант, художник?

Про великих трудно говорить. Их сегодня значительно меньше, чем было раньше и я не могу понять, почему. Почему у нас сейчас так мало балетмейстеров, которые могут поставить трехактный спектакль? Я даже

навскидку не могу в последнее время увидеть большое произведение, полотно, которое бы меня поразило... Эти полотна должны создавать мы, а не наши педагоги. А среди нас таких пока нет. Или очень мало, они где-то, возможно, еще только формируются в недрах каких-то отдельных городов, театров.

Как это формирование происходит?

Потому что есть талант. Цветки на камне тоже прорастают. Среда безусловно влияет. Это культура. Эстетика. Воспитание. Это внутренний стержень, наконец. Видного деятеля, который знает, к чему стремиться, без стержня однозначно не будет. Поэтому и семья важна. И важно то, в какие учительские руки ты попадаешь. То есть, наше профессиональное обучение начинается в три года и не заканчивается никогда, потому что после профессиональной актерской карьеры человек может стать критиком, его может увлечь педагогика, он может стать балетмейстером или, наконец, писателем. Если же вернуться к моему предмету – актерскому мастерству – это то, что позволяет воспитать творческую личность. И не важно, чем вы будете заниматься: танцевать, рисовать, писать. Вы знаете, у меня бывают ребята, которые опаздывают на урок. Потому что мы начинаем рано – в девять утра, а бывают заторы с транспортом, какие-то семейные дела. И я после урока спрашиваю: «Ну, расскажи, отчего ты сегодня опоздал?». Иногда попадают такие сочинители, что я верю. Раз поверила. Два. Три. А потом мы начинаем с педагогами, к которым он тоже опаздывает, свертывать ситуации и оказывается, что в этот же день он тоже опоздал, но рассказал совершенно другое. И когда подходим к выпускному, я полшутя говорю: «Слушай, пиши книжки – у тебя такая богатая фантазия!».

Знаки плохие и хорошие

Мне кажется, актерское мастерство – профессия будущего. Этот навык будет столь же естественным как заваривание чая или чистка зубов. В США мастерство публичного выступления преподают едва ли не с детского сада. Там без умения привлекать к себе внимание и удерживать его, легко общаться на публике, адекватно реагировать на колкости и провокации, ты не состоятелен в любой публичной профессии. Как вы думаете, если бы элементы настоящего актерского мастерства, в том числе умение правильно донести информацию, передать эмоции, присутствовали в нашем обществе в целом, а не только в великом искусстве, стало бы наше общество жить более естественной жизнью, было бы более здоровым, чем сейчас?

Я думаю, что проблема не сколько в другом. А именно в том, что мало кто из наших людей живет искренне. И ведет себя открыто. Так устроено, что каждый у нас сам себе на уме, копается в своих каких-то интересах. Между тем, актерское мастерство пропагандирует иное: будь открыт, будь свободен, будь естественен. И тогда проснется твоя органика – внутренняя – и ты будешь понятен тому человеку, с которым взаимодействуешь. И это ключ к здоровому состоянию общества: если я естественен с человеком, то и он решит, что незачем зажиматься, ведь рядом человек без фиги в кармане и без камня за пазухой. Это ключик к аппарату взаимопонимания и доверия между людьми. В этом смысле актерское мастерство, конечно, помогает обществу. А учиться произносить речи с трибуны – это актерствование. Это, если честно, плохой знак актерского мастерства. Мне это неинтересно. А интересно учить детей быть естественными и чувствовать в этом счастье и удовольствие. Наде-

Актерское мастерство – это ключ к здоровому состоянию общества, к аппарату доверия между людьми

юсь, что хотя бы это поколение мы пусть немного, но обеспечим искренним общением. И ведь оно когда-то было.

Когда это оно было?

Как это – а наши советские кухни! Разве вы не помните?

Это те кухни, после разговоров на которых штамповались доносы?

Ну, слушайте, если вы доверяете человеку, который приходит в гости, если вы его приглашаете...

То есть, вы о том, что ключи советские люди хранили под ковриком у порога, квартиры не закрывали изнутри, а детям разрешали гулять одним допоздна?

Да. Именно об этом уровне доверия.

Ребенок «в интересе»

Где прошло ваше советское детство?

Я родилась в Одессе. И первые десять лет прожила там. Я очень рада, что у меня корни одесские. Потому что там научилась любить людей, солнце и пытаться находить ресурсы для своей комфортной жизни в себе, а не в других. Одесситы действительно любят уют, людей, море, тепло. Я всегда возле водоема чувствую себя счастливой. Я занималась в Одессе в профессиональной хореографической школе, которая раз в год выступала в городском театре оперы и балета с отчетным концертом. И там меня увидел знаменитый педагог театра Юлий Иосифович Плахт. Широкой публике он мо-

жет быть известен как балетмейстер фильма «Д'Артаньян и три мушкетёра». Так вот он подошел к моим родителям и сказал: «Отвезите девочку куда-нибудь на профессиональное обучение». Мы с мамой собрали чемоданчик и поехали. Таким образом я оказалась в Москве. Меня взяли после огромного конкурса в элитную школу. Я прошла по турам и попала безо всякого блата. Так и началась моя профессиональная жизнь. И Москва меня закаляла. Потому что после той открытой Одессы я попала в совершенно другой мир. Мне было очень сложно. Но я счастлива, что прошла этот путь. Потому что это сформировало характер. Сделало меня сильной. И когда я уже погрузилась во взрослые обстоятельства, то была готова ко всему. Я прошла великолепную школу жизни и мастерства.

Закалка происходила в том числе через преодоление подростки?

Дело не в подростки. Конкуренция присутствует всегда. Ты видишь, что у кого-то получается, а у тебя – нет. Ребенку всегда тяжело осознать, почему Петю с Машей хвалят, а меня – нет. А еще когда родители далеко. У нас один телефон стоял в холле, и все сидели в определенное время в очереди и ждали, пока им родители позвонят. Вы можете представить, что это за разговор с родителями, когда рядом сидят все твои одноклассники и всё слышат. Прямого и откровенного диалога с мамой и папой не получалось. А когда приезжаешь на каникулы, та проблема, которую тогда обсудить бы, уже не кажется актуальной. Ты

просто научился справляться с ней в одиночку... Нет, откровенных подлостей не было. Просто рано приходило понимание: ты сам за себя. Раннее взросление везде есть в профессиональном обучении – в спорте, в искусстве. Ты сам протаптываешь свою дорожку.

В Фонде «Золотое Сечение» я познакомился с известным музыкантом и педагогом, потрясающе интересным человеком – Вольфом Львовичем Усминским. Он рассказал, что его «счастливым билетом» стала война, а именно то, что из Одессы в Свердловск было эвакуировано музыкальное училище во главе с великим скрипачом-педагогом Петром Столярским. Это была абсолютно случайная встреча с мастером, которая решила судьбу бедного мальчика, который тоже был эвакуирован с мамой на Урал – из Белоруссии. Сегодня мы видим абсолютно лоскутную страну с точки зрения экономики, социальной сферы, возможностей для реализации детских мечт. Как сделать так, чтоб все дети и подростки России имели возможность раскрыться?

Мне кажется, этому способствуют творческие сообщества, фонды. И чем их будет больше – за счет государства, частных пожертвований – тем лучше мы уберем молодежь от опасного пути, на котором человечество уже стоит одной ногой. Безразличие. Равнодушие. Нежелание. Лень. Пассивность. Если у нас будет хотя бы часть молодежи, которую мы можем активностями, мероприятиями, сообществами, своими силами, своими, как говорят в Одессе, «кишками» удерживать в интересе, вовлечь, значит, появится пусть и небольшая часть юных граждан, которые потом не дадут всему и каждому из нас исчезнуть с лица Земли. Я вижу в этом большое спасение. И вы правы, важно поддерживать таланты «на местах». Если действительно та-

Репетиция русского танца в помещении студии перед очередным приветственным выступлением для гостей (1977).

лантливый ребенок хоть где-то как-то занимается, то профессиональный педагог его не пропустит. Он в любом случае его куда-то направит. Как это у меня произошло. Семья ведь моя не балетная абсолютно. Но меня увидел профессионал и просто сказал: попробуйте. Мы попробовали – получилось.

Убеждена: каждый ребенок чем-то одарен. И мне кажется, основное дело родителя – заглянуть к своему ребенку и понять, чем же конкретно тот одарен. И не назидательно, когда у кого-то из родителей что-то не сложилось в карьере, в жизни, и он пытается теперь предостеречь от собственных ошибок сына или дочь, вести по своему пути. Наоборот: протоптанная дорожка не всегда полезна для ребенка, потому что ему тогда не за себя приходится биться, а за авторитет родителей, отстаивать его. Должно быть наоборот: выбирай сам, хочешь – это, хочешь – то. Я всегда за то, чтобы дать ребенку на моменте начальной школы попробовать все. Нужно

предоставить любому школьнику, где бы он ни жил, возможность как-то проявиться.

А дальше – каждодневный труд по реализации своего интереса...

А как иначе? Дверь закрыли – и занимаемся. Закончилось занятие – забыли, что было в зале, пошли гулять, играть, кушать салаты. Педагогика – это каждодневный бой. Я бьюсь за каждого исполнителя. За то, чтобы он работал качественно. Ведь человек ленив по сути своей. Кому-то хочется сегодня позаниматься на репетиции «как-нибудь». Моя же задача – научить учащихся так не делать. А значит, я должна вытягивать и вытягивать... Это бой за каждую секунду урока, за каждую единицу внимания.

